

Эндрю Флэшман

В тени несостоявшихся будущих

ФУТУРАБЕЛЬНОСТЬ, ЖЕСТОКИЙ ОПТИМИЗМ

И АМБИВАЛЕНТНОЕ ОЧАРОВАНИЕ

Andrew Fleshman

In the Shadow of Future Pasts: Futurability, Cruel Optimism, and Ambivalent Enchantment

Эндрю Флэшман

Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, кафедра сравнительной литературы, аспирант
fleshman.drew@gmail.com.

Ключевые слова: футурность, футурабельность, жестокий оптимизм, очарованность, модернизм, спекулятивная фантастика, научная фантастика

УДК: 130.2

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_444

Современные исследователи описывают связь литературы и будущего через теории о пространстве трансформации и выходе из катастроф прошлого. В частности, Амир Эшель стремится выявить измерение «футурности» в великих произведениях XX века — произведениях, чья форма подразумевает режимы опыта, способные моделировать формы жизни, альтернативные тем, что изначально и породили эти катастрофы. В этой статье я продолжаю логику Эшеля через анализ ряда пересекающихся понятий. Сначала я подробно описываю понятие «футурабельности» у Франко Берарди как составной термин, охватывающий возможности, внутренне присущие определенному положению вещей; потенциалы как агентности, способные актуализировать отдельные вероятности; и власть как огораживание, определяющее, какие вероятности поощряются или допускаются к актуализации. Затем я обращаюсь к идее «жестокости оптимизма» Лорен Берлант, который я понимаю как желание чего-то, что якобы должно улучшить жизнь субъекта, но в итоге препятствует этому улучшению. Я связываю этот концепт с исследованиями ценности «очарованности» как свойства переживания и предлагаю понимать очарованность как некое поле, которое через желание соединяет виртуальные черты футурабельности с предостережениями жестокого оптимизма. Мой аргумент состоит в том, что благотворный режим очарованности может давать желаниям и оптимистическим привязанностям такую форму, которая поддается описанию через футурабельность. В заключение я предлагаю анализ рассказа Теда Чана «История твоей жизни» — произведения, которое развивает проект футурности по Эшелю, делая спекулятивное отношение к будущему основой нарратива, но с амбивалентными результатами.

Andrew Fleshman

University of California, Los Angeles (UCLA), Department of Comparative Literature, PhD Candidate
fleshman.drew@gmail.com.

Keywords: futurity, futurability, cruel optimism, enchantment, modernism, speculative fiction, science fiction

UDC: 130.2

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_444

Recent scholarship has theorized literature's relationship to the future as a site for transformation and an escape from the calamities of the past. In particular, Amir Eshel has worked to find the dimension of «futurity» in great works of the 20th century, works whose forms introduce modes of experience capable of modeling alternative forms of life to the ones that have produced these calamities in the first place. In this paper, I expand upon Eshel's project through an exploration of a number of intersecting concepts. First, I elaborate on Franco Berardi's notion of «futurability» as a composite term for the possibilities inherent to a state of affairs, potencies as the agencies that can actualize particular possibilities, and powers as the constraints placed on which possibilities are encouraged or allowed to be actualized. I follow this with an articulation of Lauren Berlant's idea of «cruel optimism» understood as a desire for something that is thought to improve one's life, but which ultimately impedes such improvement. I link this to a discussion of recent debates on the value of «enchantment» as an experiential quality, arguing for it as a kind of field that links the virtual characteristics of futurability to the warnings of cruel optimism through desire: a salutary mode of enchantment can shape desires and optimistic attachments into a form mappable by futurability. I close the paper with a reading of Ted Chiang's «Story of Your Life», a short story that expands on Eshel's project of futurity by making a speculative relationship to the future its focus, with ambivalent results.

В своей книге «Futurity: Contemporary Literature and the Quest for the Past» («Футурность: современная литература в поисках прошлого») Амир Эшель описывает особую тревогу, пронизывающую представление об истории, с которым сталкивается литературный модернизм. После Первой мировой войны Франц Кафка написал притчу о мыши, чей мир ограничен все более сужающимися стенами, ведущими к ловушке, где она в конце концов неизбежно окажется пойманной. В последней строке происходит неожиданный поворот: кот говорит мыши: «Тебе нужно лишь изменить направление», — после чего немедленно ее съедает¹. Эшель интерпретирует этот короткий рассказ как параболу дилеммы современных цивилизаций: древние системы мышления — религия, мифология — когда-то сдерживали пугающие силы природного мира, служили стенами, которые не давали человечеству свернуть со своего пути, каким бы предопределенным и роковым ни был его конец. С приходом модерности человеческой истории предлагается «изменить направление», прибегнув к силе науки, политики, экономики и т.д., позволяющих выйти за пределы этих сужающихся и фаталистических стен. Однако такая смена направления в финале приводит к той же судьбе — уничтожению, оставляя лишь утешение новизной, ведь теперь человечество само выступает агентом собственной гибели. Выбирайте дверь номер один или дверь номер два: «У человеческого рода может вообще не быть будущего; его единственный выбор заключается в различных вариантах конца — ловушке или пасти кота»².

Задача Эшеля в дальнейших главах «Футурности» состоит в том, чтобы показать, каким образом литература «создает “открытое, будущее, возможное”, расширяя наш словарь, исследуя человеческую способность действовать и побуждая к размышлению и дискуссии»³ на фоне катастрофической истории XIX и XX веков — на фоне формирования у человечества способности к уничтожению в колоссальных масштабах и его очевидной готовности применять эту способность всякий раз, когда всякие злонамеренные акторы считают это необходимым. Для Эшеля литературная работа по осмыслению этих катастрофических прошлых ориентирована на будущее; именно поэтому он обращается к понятию «футурность» (*futurity*), чтобы описать способность литературы предлагать нам «совершенно новые способы жизни внутри мира и всего его потенциала, а следовательно, и возможность заново его создать»⁴. Литература работает с материалом прошлого — событиями, обстоятельствами, неудачами, отклонениями от намеченного пути, катастрофами — и делает это для того, чтобы «[дать нам] возможность развиваться с помощью новейших словарей, образов и идей»⁵.

В этой статье я развиваю мысль Эшеля о преобразующей силе литературы и его призыв раскрыть ее потенциал как инструмента по осмыслению будущего, но рассматриваю его подход в диалоге с другими направлениями современной теории и литературной критики. В частности, я обращаюсь к философским размышлениям Франко Берарди о «футурабельности» (*futurability*)

1 *Kafka F. A Little Fable. Цит. по: Eshel A. Futurity: Contemporary Literature and the Quest for the Past. Chicago: University of Chicago Press, 2013. P. 1.*

2 *Eshel A. Futurity... P. 2.*

3 *Eshel A. Futurity... P. 4.*

4 *Eshel A. Futurity... P. 6.*

5 *Eshel A. Futurity... P. 22–23.*

как взаимодействию потенции, власти и возможности⁶, а также к наблюдениям Лорен Берлант о литературной форме как разновидности «жестокости оптимизма» (*cruel optimism*), который препятствует процветанию и благополучию, формируя «оптимистические» привязанности к объектам, людям и событиям⁷. Кроме того, я рассматриваю футурабельность и жестокий оптимизм как два типа отношения к сложной и неоднозначной проблеме очарования (*enchantment*). Я утверждаю, что очарование функционирует как своего рода поле, объединяющее виртуальные возможности футурабельности, предостережения жестокого оптимизма и побуждающий к переменам импульс, заключенный в самой футурности. В заключение я обращаюсь к анализу рассказа Тэда Чана «*Story of Your Life*» («История твоей жизни»). Я рассматриваю этот рассказ как произведение, которое и по своему содержанию, и по своей форме воплощает амбивалентное отношение к возможностям футурности, понятой как разрыв с кажущимися ограничениями прошлого, а также как трудность создания альтернативных будущих в условиях этих ограничений. Размышляя о том, каким образом теория и литература формируют наше понимание будущего и способы взаимодействия с ним, я стремлюсь выйти за пределы фокуса Эшеля на литературных репрезентациях «того, что произошло в прошлом»⁸, и показать, как спекулятивная литературная форма, делающая будущее своим предметом, побуждает нас по-новому осмыслить футурность и футурабельность в эпоху зачастую медленно разворачивающихся и невидимых катастроф, которые сам Эшель практически не затрагивает.

В книге «*Futurability: The Age of Impotence and the Horizon of Possibility*» Франко Берарди предлагает типологическую и продуктивную схему для описания природы возможности внутри определенной ситуации. Он описывает механизм, посредством которого эта возможность становится действительностью и тем самым преобразует ситуацию, а также ограничивающие структуры, которые влияют на актуализацию этой возможности, направляют ее или подавляют ее осуществление. Суффикс *-ability* в его неологизме *futurability* («футурабельность») можно понимать как указание на центральный для Берарди переход — реализованный или нереализованный — от возможности к действительности. Как он пишет: «Футурабельность — это слой возможностей, который может перейти в актуальность, а может и не перейти»⁹. Таким образом, «футурабельность» выступает у Берарди в качестве зонтичного понятия, охватывающего три стадии его типологии динамического изменения: вероятность (*possibility*) — потенциал (*potency*) — власть (*power*).

Вероятность — это «содержание, вписанное в нынешнее устройство мира»¹⁰. Сама вероятность всегда множественна: она представляет собой совокупность вероятностей, обладающих множеством артикуляций и развилок, латентно присутствующих внутри ситуации и имманентных ей. Эти вероятности имманентны ситуации в том смысле, что сама ситуация ограничивает то, какие вероятности в ней заключены. Вероятности не существуют свободно, вне

6 Franco «Bifo» Berardi. *Futurability: The Age of Impotence and the Horizon of Possibility*. New York: Verso, 2017. P 1.

7 Berlant L. *Cruel Optimism*. Durham: Duke University Press, 2011. P 1.

8 Eshel A. *Futurity*... P. 20.

9 Franco «Bifo» Berardi. *Futurability*. P. 3.

10 Franco «Bifo» Berardi. *Futurability*. P. 1.

какой-либо ситуации, а определяются структурой самой ситуации. Поэтому, согласно Берарди, в рамках одной ситуации никогда не может существовать бесконечного числа вероятностей. Если воспользоваться примером, центральным для оптики Эшеля в «Футурности...», можно спросить: поскольку мы живем в мире, где Холокост уже произошел, каким образом мы можем мыслить и писать о Холокосте так, чтобы это могло заново сформировать или изменить наше отношение к нему? Мы не можем жить в мире, где Холокоста не было; это ограничение тех вероятностей, которые имманентны нашей проживаемой ситуации. Таким образом, наши вероятности существенно ограничены исторической ситуацией в том виде, в котором она уже существует.

Потенциал — это «субъективная энергия, которая разворачивает возможности и актуализирует их»¹¹. Вероятности не актуализируются сами по себе: им необходима сила потенциала, чтобы войти в мир. Первоначальная формулировка Берарди, кажется, предполагает, что потенциал связан с агентной мотивацией или силой воли: понятие «субъективной энергии» может склонить к такому волонтаристскому пониманию. Однако более точный учет философских установок Берарди показывает, что модель субъекта-агента здесь не является первичной. Берарди мыслит потенциал скорее как энергетику или силы в спинозистском и делёзианском ключе: «Чтобы превратить <...> возможность в форму [то есть актуализировать ее], субъект, обладающий потенциалом, должен преодолеть силу, которая препятствует расширению конфликтующей, вписанной в ситуацию вероятности»¹². Потенциал *может* принять форму сознательного, волевого субъекта, который принимает решение, например, повернуть налево или направо на перекрестке, — то есть соответствовать субъектно-агентной модели потенциала. Но потенциал может также принять форму капли воды, падающей на изогнутую поверхность и стекающей по одной или другой стороне в зависимости от динамических физических свойств, определяющих ее поведение, таких как гравитация, поверхностное натяжение и так далее. Берарди описывает потенциал в абстрактных терминах как «[вхождение] в вибрацию»¹³: одна степень потенциала превосходит другую, и потому одна вероятность актуализируется, а другая — нет. Субъект поворачивает налево, а не направо; капля воды скользит по восточному склону изгиба, а не по западному. Состояние вибрации — это такое состояние, в котором внутри ситуации действует комплекс сил, и в конечном счете актуализируется та вероятность, чей комплекс сил берет верх над взаимоисключающими альтернативами: например, пойти налево, а не направо; скользить по восточному, а не по западному склону изогнутой поверхности.

Власть находится в предписывающем отношении к вероятности и потенциалу: она представляет собой «отбор и принудительное утверждение одной вероятности среди многих и одновременно исключение <...> множества других вероятностей»¹⁴. Власть вмешивается, влияя на то, какие из возможностей, имманентных ситуации, будут актуализированы. В приведенных выше примерах это может быть государство, устанавливающее на перекрестке закрытый контрольно-пропускной пункт, так что поворот направо становится невозмож-

11 Franco «Bifo» Berardi. *Futurability*. P. 1.

12 Franco «Bifo» Berardi. *Futurability*. P. 8.

13 Franco «Bifo» Berardi. *Futurability*. P. 1.

14 Franco «Bifo» Berardi. *Futurability*. P. 2.

ным или по крайней мере нежелательным, а решение повернуть налево оказывается легким, поскольку оно менее обременительно или опасно. Подобным же образом, в менее политически нагруженном случае, власть может вмешаться, наклонив изогнутую поверхность так, чтобы капля воды скользнула по восточному, а не по западному склону. Таким образом, для Берарди цепочка вероятности — потенциал — власть описывает отношения между вероятностями изменений, имманентными ситуации; потенциалами, которые осуществляют конкретные вероятности, актуализируя их и тем самым трансформируя ситуацию; и множеством властей, которые ограничивают и направляют то, какие потенциалы могут воздействовать на ситуацию, а также — что не менее важно — какие потенциалы исключаются из сферы воздействия, тем самым лишая определенные вероятности актуализации. «Футурабельность» как термин Берарди использует для обозначения динамического отношения между этими тремя элементами цепочки, поскольку движение от латентной вероятности к актуализированной реальности обладает темпоральностью, ориентированной на будущее, особенно если учитывать, что власть может обладать активной заинтересованностью в том, чтобы будущее приняло определенный вид.

Здесь стоит сделать шаг назад и соотнести футурность Эшеля с футурабельностью Берарди. Если интерес Эшеля к футурности подчеркивает, каким образом обращение литературы к проблематичной истории современного мира позволяет нам вырабатывать новые направления, способы описания и подходы к нашему прошлому, чтобы иметь возможность изменить наше будущее, то футурабельность Берарди может служить своего рода картой сражения, позволяющей нанести на нее силы, которые одновременно делают эту борьбу возможной и регулируют то, как она разворачивается в конкретных контекстах.

Например, если «Маленькая басня» Кафки предлагает нам новый ряд образов для понимания того, как современные научные и социальные трансформации поставили человечество в положение выбора между двумя одинаково фатальными исходами, то она также оставляет невысказанными намеки на альтернативные вероятности, которые оказываются имманентны структуре басни через нарративное подразумевание. Прежде всего, басня сообщает, что мышшь заперта в комнате, но не объясняет, как именно она там оказалась. Между смыкающимися стенами, направляющими мышшь к ловушке, и пастью кота, ожидающей ее в противоположном направлении, не может ли существовать третий путь — тот путь, выбрав который мышшь заново нашла бы нору, куда она впервые проползла, чтобы оказаться в этом затруднительном положении? А что, если все это слишком напоминает аллегорию невозможной — и нежелательной — задачи повернуть время вспять, чтобы вернуться к удобствам доисторического мира или мира до грехопадения? В таком случае почему бы не обнаружить новую дыру в стене? Заманить кота в захлопывающуюся ловушку? Самой выкопать новую нору? Хотя эти возможности в басне Кафки никак не выражены, с метафорической точки зрения их все же стоит проговорить, поскольку они фиксируют невидимые вероятности, которые определенные потенциалы могли бы актуализировать даже перед лицом власти, стремящейся удержать их невидимыми. В этом смысле ловушка и кот навязывают установку отчаяния, ослепляющую мышшь и не позволяющую ей увидеть творческие и экспериментальные решения своих проблем. Если футурность можно понять как проект, побуждающий к изменению, то футурабельность является

инструментом для осмысления как препятствий на пути к этому изменению, так и способов их преодоления.

Темпоральность футурности также играет ключевую роль в книге Лорен Берлант *«Cruel Optimism»* («Жестокий оптимизм»), которая представляет собой развернутый анализ аффективной литературной формы, цель которой состоит в том, чтобы запечатлеть отношение к настоящему, которое, как полагают вовлеченные в него субъекты, должно каким-то образом принести им пользу, но в итоге производит противоположный эффект. Как мы увидим ниже, рассматриваемое Берлант отношение к настоящему связано с производством будущих благотворных эффектов, а также с препятствиями на пути к этим желаемым эффектам — во многом так же, как концепции Эшеля и Берарди ориентированы на выявление и актуализацию скрытых потенциалов. Вот как Берлант определяет жестокий оптимизм: «Отношение жестокого оптимизма возникает тогда, когда нечто, чего вы желаете, на самом деле препятствует вашему процветанию... [это отношение оказывается жестоким тогда, когда] объект, вызывающий вашу привязанность, активно препятствует достижению той цели, которая изначально привела вас к нему»¹⁵. На первый взгляд, это может показаться простым повторением старой поговорки о том, что предполагаемое лекарство на деле оказывается ядом. Однако жестокий оптимизм связан с целым рядом других проектов и проблем; в частности, он является попыткой мирозидания и экспериментальной борьбы за определенную форму «хорошей жизни»¹⁶. Уже здесь видна связь между целями того, что Берлант называет «оптимистической привязанностью»¹⁷, и вопросами футурности и футурабельности. Оптимистические привязанности, хотя они производятся и поддерживаются в настоящем, соединены с проектом формирования будущих условий и обстоятельств, которые должны будут стать улучшением по сравнению с текущим положением субъекта. Это воображаемое улучшение тесно связано с фантазией в психоаналитическом смысле¹⁸. Для Берлант фантазия функционирует как один из элементов отношения субъекта к реальности: благодаря ей кажущаяся разрозненной, несвязной, хаотичной и бессмысленной ткань проживаемого опыта организуется в структуры ясности (*intelligibility*) — прежде всего в отношении самой природы существования субъекта. «Фантазия — это средство, с помощью которого люди накапливают идеализирующие теории и картины того, как их траектории жизни и мир “складываются во что-то”»¹⁹. Здесь фантазия двусторонняя: она удерживает воедино представление субъекта о себе в настоящем и одновременно проецирует воображаемые будущие состояния. Эти состояния основаны, с одной стороны, на организующей фантазии настоящего, а с другой — на фантазии будущего, которая одновременно и непрерывна, и дискретна по отношению к фантазии настоящего. Она непрерывна, поскольку возникает из настоящего

15 *Berlant L. Cruel Optimism. P. 1.*

16 *Berlant L. Cruel Optimism. P. 2.*

17 *Berlant L. Cruel Optimism. P. 2.*

18 См., например: *Freud S. The Interpretation of Dreams: The Complete and Definitive Text / Trans. by James Strachey. Philadelphia: Basic Books, 2010 [1955]. P. 496–497; Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Современные проблемы, 1913. С. 357–358; Lacan J. The Seminar of Jacques Lacan. Book IV: The Object Relation / Trans. by A.R. Price. Medford: Polity, 2022 [1994]. С. 105–113.*

19 *Berlant L. Cruel Optimism. P. 2.*

или в связи с ним; но она также дискретна, потому что изображает будущее, которое в каком-то смысле лучше воображаемого настоящего прежде всего благодаря тем привязанностям, которым субъект предан в своем нынешнем состоянии.

Именно это имеет в виду Берлант, когда пишет, что «всякая привязанность оптимистична, если понимать оптимизм как силу, которая выводит вас за пределы самих себя и вводит в мир, чтобы приблизить то удовлетворяющее *«не-что»*, которое вы не можете произвести самостоятельно, но ощущаете вслед за человеком, образом жизни, объектом, проектом, понятием или сценой»²⁰. Это *«не-что»* можно истолковать как притягательную фантазию будущего — будущего улучшения жизненной ситуации субъекта, тем самым отличающего его от фантазии настоящего. Фантазия закрепляется за объектом в самом широком смысле этого слова, который функционирует как причина приверженности фантазии будущего: это может быть материальная вещь, проект, понятие и так далее. Именно этот объект и становится непосредственным объектом оптимистической привязанности. Например, в романтической ситуации человек может эмоционально вложиться в возлюбленного как в объект своей оптимистической привязанности отчасти потому, что возлюбленный запускает и поддерживает фантазию будущего счастья — счастья, которое требует от любящего субъекта продолжать вкладываться в своего возлюбленного²¹. Таким образом, «хорошая жизнь» становится достижимой будущей вероятностью для субъекта благодаря его привязанности к объекту, который воплощает для него эту будущую вероятность, проецирует ее в мутный и беспорядочный хаос всех будущих вероятностей и закрепляет субъекта в определенной, актуализированной вероятности будущего: вероятности жить хорошей жизнью, жизнью, которая «складывается во что-то», — в отличие от нынешней жизни, где именно этого не хватает. И что это, если не форма эшелевского понимания футурности: вмешательства в настоящее, которое нарушает наше отношение и к прошлому, и к настоящему (например, через новый язык, новый способ видеть или переживать мир) и формирует альтернативные вероятности лучшего существования в будущем, создавая и поддерживая проект будущего существования как разрыв с катастрофами прошлого?

20 Berlant L. Cruel Optimism. P. 1–2.

21 В другой философской идиоме это можно было бы описать как верность процедуре истины, которой субъект себя посвящает, когда он распознает событие своей любви к другому. Именно так Ален Бадью описывает событие влюбленности — как нарушение иначе стабильного состояния ситуации. Любовь возмущает это стабильное состояние, потому что указывает на разрыв со статус-кво: с ситуацией, в которой любовных отношений между именно этими двумя людьми еще не существовало. Верность является следствием этого, потому что люди, распознавшие свою любовь друг к другу, должны совершать все действия в мире таким образом, чтобы демонстрировать свою приверженность этой любви, и должны делать это постоянно — или, по крайней мере, до тех пор, пока любовь длится. В этом смысле распознавание события становится тем инициирующим разрывом с настоящим, которому субъект себя посвящает — и который он субъективно переживает как личную фантазию о будущем, организованном вокруг этой любви. Именно это и делает его привязанность к возлюбленному оптимистической: она реорганизует настоящую ситуацию так, чтобы сделать жизнь субъекта лучше. См.: Badiou A. What is Love? // Conditions / Trans. by Steven Corcoran. New York: Continuum, 2008 [1992]. P. 179–198; Бадью А. Что такое любовь? / Пер. с фр. С. Ермакова // Новое литературное обозрение. 2011. № 6 (112). С. 39–54.

Однако, как уже говорилось выше, предмет исследования Берлант — не оптимистическая привязанность сама по себе, а «жестокий оптимизм»: такие оптимистические привязанности, которые диалектически переворачивают и подрывают проецируемую фантазматическую «хорошую жизнь» будущего, ради осуществления которой эти привязанности изначально и формировались. Феноменологическим следствием жестокого оптимизма, действующего в масштабе гражданского общества, становится опыт определенного «истления» либеральных политических идеалов, касающихся среди прочего «восходящей социальной мобильности, стабильной занятости, политического и социального равенства, а также живой и прочной близости»²². Например, в социальной сфере жестокий оптимизм может принимать форму политической приверженности снижению корпоративных налогов и ослаблению регуляторной нагрузки, основанной на убеждении, что «освобождение» корпораций от ограничений, налагаемых государством, позволит им производить и продавать товары, которые сделают жизнь всех людей лучше. Разумеется, когда корпорации получают такую свободу, они нередко прибегают к практикам, которые материально ухудшают жизнь людей, поскольку их собственные материальные интересы не обязательно совпадают с интересами их клиентов или тех общественных групп, на чье благополучие влияют их действия. Проще говоря, освобождение корпораций от законодательных ограничений может осуществляться ради улучшения жизни людей, но в итоге делать их жизнь хуже. Поэтому привязанность некоторых людей к проекту освобождения корпораций от ограничений становится парадигматическим примером жестокого оптимизма.

Теория Берлант о настоящем как локусе, из которого жестокий оптимизм может быть проанализирован в конкретных контекстах, основана на ее обращении к теории аффекта. Настоящее переживается нами в своей непосредственности аффективно: «настоящее — это то, что делает себя присутствующим для нас прежде, чем становится чем-либо еще, например организованным коллективным событием или эпохой, на которую мы можем оглянуться»²³. Называние события, эпохи или любого временного периода является по своей сути рефлексивной практикой и потому требует определенной дистанции от настоящего, в котором, например, произошло называемое событие, чтобы индивиды и сообщества могли переработать его последствия и прийти к пониманию его границ, участников и эффектов²⁴. Рефлексия о прошлом — это процесс опосредования, однако сам аффект не является просто непосредственным, хотя часто переживается именно так. Скорее, он прочерчивает «отношение, которое наделяет объект/сцену перспективой непрерывности мира» — темпоральностью, которую мы уже видели у Эшеля в его понятии футурности и у Берарди в понятии футурабельности, — но делает это «как процесс динамического чувствен-

22 *Berlant L. Cruel Optimism. P. 3.*

23 *Berlant L. Cruel Optimism. P. 4.*

24 Эта мысль заключена в знаменитом изречении Гегеля о том, что «сова Минервы начинается свой полет лишь с наступлением сумерек». Иными словами, природу исторического события можно понять только на определенной дистанции от момента его первоначального свершения: пока человек находится внутри события, его черты, последствия и эффекты еще не проявились полностью, поэтому всякое понимание этого события остается предварительным до тех пор, пока не пройдет какое-то время. Цит. по: *Hegel G.W.F. Elements of the Philosophy of Right / Trans. by H.B. Nisbet. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 [1820]. P. 23.*

ного сбора данных, через который [он] принимает форму в структурах, чья задача состоит в том, чтобы придавать жизни надежно считываемый смысл»²⁵. Эти формы переживаются в «интуиции», где «аффект встречается с историей — со всем ее хаосом, нормативной идеологией и воплощенными практиками дисциплины и изобретения»²⁶. Интуиция, таким образом, оказывается местом, локализованным в воплощенном субъекте, где чувственная аффективная непосредственность переживается и обрабатывается в соответствии с нормами, убеждениями, приверженностями, а также укорененными и принудительно поддерживаемыми идеологическими критериями. Это фильтры, которые сортируют, формируют и организуют нашу аффективную жизнь. Именно из этих фильтров или с их помощью возникают наши представления о хорошей жизни. Тем самым они ориентируют нас на определенные виды аффективных, оптимистических привязанностей и отворачивают от других — справедливо или ошибочно. В терминах Берарди аффективную интуицию Берлант можно понимать как способ проследить, каким образом потенциал актуализирует вероятность, имманентную ситуации, — через то, как воплощенный субъект обрабатывает воздействующую на него сенсорную информацию. При этом Берлант также учитывает действие власти, поскольку обращает внимание на то, как наши субъективные реакции на сенсорную информацию опосредуются формами интерпретации и оценки, которые усваиваются, навязываются и поддерживаются внешними акторами. Иными словами, то, что Берарди определяет как власть — ограничивающее и исключаящее воздействие, в отношении которого разворачиваются потенциалы, актуализирующие те или иные вероятности, — у Берлант оказывается укорененным в исторически контингентных системах верований, идеологии и дисциплинарных логик, которые учат нас чувствовать и мыслить определенным образом, а значит, желать и преследовать определенные формы жизни, которые могут стать, а могут так и не оказаться благотворными для нас на самом деле²⁷.

25 *Berlant L. Cruel Optimism*. P. 52.

26 *Berlant L. Cruel Optimism*. P. 52.

27 Так, Берлант развивает мысль, сформулированную Мишелем Фуко в книге «Надзирать и наказывать», о том, как дисциплинарное воздействие формирует установки, предрасположенности и желания индивидов и сообществ. Например, описывая устройство исправительной колонии, предназначенной для заключения и дисциплинирования бродяг и преступно праздных людей, Фуко указывает, что «полезная педагогика должна была оживить в лентяе тягу к труду, вернуть его в систему интересов, где работа предпочтительнее лени, образовать вокруг него компактное, упрощенное принудительное сообщество, где действует ясная максима: хочешь жить — трудись. Обязательный труд, но и обязательное денежное вознаграждение, позволяющее заключенному улучшить свою участь во время и после заключения». Цит. по: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. С 179. Таким образом, труд, который поначалу переживается заключенным исправительной колонии как тяжелый и нежелательный, через дисциплину и подкрепление вознаграждением начинает восприниматься как интуитивно возвышающий и добродетельный. Власть действует принудительно, ограничивая свободу действий заключенного исправительной колонии, чтобы навязать определенное представление о хорошей жизни — жизни работающего, продуктивного члена общества. Власть рассчитывает, что заключенный сохранит это представление и после освобождения; особенно важно, что оно должно определять, какие будущие действия он будет готов совершать в свете той системы рефлексии и оценки, которую власть навязала его сознанию.

Таким образом, аффективная интуиция у Берланта затрагивает самую сердцевину «встречи того, что ощущается, с тем, что известно, и с тем, что воздействует новым, но вместе с тем узнаваемым образом»²⁸. Власть, идеология, знание, интуиция и регистрация аффекта — все это у Берланта связано с вопросом формы, и в особенности с вопросом эстетической формы, которая в конкретных произведениях проявляется как жанр. Хотя употребление философом термина «жанр» охватывает узнаваемые классические жанровые формы, такие как брачный сюжет, она также формулирует то, что считает аналитически показательным жанром, способным в принципе пересекать границы жанров классических, потому что он выделяет произведения, репрезентирующие или осмысляющие ее понятие жестокого оптимизма. Этот жанр Берланта называет «тупиком» (*the impasse*): это «отрезок времени, в котором человек движется с ощущением, что мир одновременно предельно присутствует и остается загадочным»²⁹. В тупике ясность и помутнение накладываются друг на друга в темпоральном сдвиге: настоящее ощущается как обладающее непосредственностью, но в то же время оно сопротивляется нашим попыткам полностью поймать его и сделать понятным. В тупике «сама деятельность жизни требует одновременно *блуждающего, впитывающего осознания и гипербдительности*, которая собирает материал, способный помочь прояснить вещи, удержаться на плаву и соотнести стандартные мелодраматические кризисы с теми процессами, которые еще не обрели своего жанра события»³⁰. Впитывающее осознание регистрирует вероятности по мере того, как они встречаются в мире, а гипербдительность действует рефлексивно, организуя эти вероятности и воздействуя на них, «собирая материал», который помогает нам обходить опасные скалы, о которые мы можем разбиться, пытаясь прожить то, что мы признали бы «жизнью», — например, если вернуться к Кафке, сужающиеся стены комнаты, ловушку и смыкающуюся пасть кота. В тупике как жанре есть очевидная амбивалентность: это жанр, отражающий процесс осмысления того, что с нами происходит, процесс размещения событий, «которые еще не обрели своего жанра события». Эта амбивалентность отражается и во втором значении, которое Берланта вкладывает в понятие «тупика»: «невозмутимость» (*impassivity*)³¹. Невозмутимость воспринимает тупик как укрытие от уязвимости решения. В неподвижности, в неподверженности возмущениям продолжающихся кризисов, которые ежедневно бросают нас из стороны в сторону, пока мы пытаемся успевать за жизнью, которой хотим жить, есть своего рода спокойствие. Если тупик открывает пространство неопределенности, недетерминированности по отношению к событиям и нашему рефлексивному пониманию их смыслов, то невозмутимость становится жестом принятия того самого еще-не-знания. Ведь еще-не-знание сохраняет альтернативные будущие как вероятности и не принуждает нас к смирению с якобы предначертанной судьбой.

Здесь мы обращаемся к очарованности (*enchantment*) как к месту, где разворачивается напряженная связь жестокого оптимизма с футурностью и футурабельностью. Очарованность фиксирует как аффективную привязанность к настоящему, так и ориентацию на будущее как пространство значимости и

28 Berlant L. Cruel Optimism. P. 53.

29 Berlant L. Cruel Optimism. P. 4.

30 Berlant L. Cruel Optimism. P. 4.

31 Berlant L. Cruel Optimism. P. 5.

смысла. Она служит своего рода полем, в котором динамика вероятность — потенциал — власть у Берарди соприкасается с желаниями, побуждающими людей к действию. Ее можно представить как место особого рода праксиса, где сети веры и приверженности вплетаются в материальные процессы и условия ситуации. Это, безусловно, спорное место, поскольку исторически очарованность часто сводилась к негативной и вредоносной мистификации, к тому типу мистификации и искажающей реальность интоксикации, которая знакома нам по знаменитому определению религии у Маркса как «опиума для народа»³². Джошуа Лэнди и Майкл Салер выделяют три подхода к пониманию отношения между очарованностью и расколдованностью (разочарованностью) в современном мире³³. Первый — это «бинарный подход», в рамках которого очарованность отвергается, так как она является «пережитком, откатом назад, уголком непросвещенного атавизма, который еще предстоит выместить»³⁴. Здесь очарованность — пагубная, иллюзорная сила, от которой следует избавиться, тогда как разочарованность (расколдованность) следует принять. Второй подход утверждает, что «сама модерность очарована — обманчивым и опасным образом»³⁵. Согласно этому подходу, несмотря на самодовольные притязания модерности на то, что она сбросила с себя обманчивое очарование прошлого, она сохраняет собственные новые, уникальные и не менее опасные формы очарованности. Лэнди и Салер называют этот подход «диалектическим» — его главным программным представителем является Теодор Адорно³⁶. Третий подход к очарованности — «антиномический». Он сохраняет приверженность идее о том, что «модерность включает в себя кажущиеся противоположности, такие как рациональность и чудо, секуляризм и веру»³⁷. По оценке Лэнди и Са-

-
- 32 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 414–429. Весь абзац, из которого взята эта фраза, заслуживает цитирования, поскольку он схватывает нечто важное в том понимании зачарованности, которое мы будем разворачивать в связи с жестоким оптимизмом: «Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа». В этом смысле религия функционирует одновременно как бальзам против боли, причиняемой страданиями мира, и как иллюзорное обещание будущего состояния вещей — то есть спасения в загробной жизни, — которое одновременно оправдывает и сотрет эти страдания.
- 33 Классическое определение «расколдованности» принадлежит Макс Веберу: «Судьба нашего времени характеризуется рационализацией и интеллектуализацией и, прежде всего, “расколдованием мира”». Weber M. Science as a Vocation // Weber M. Essays in Sociology / Ed. and trans. by H.H. Gerth and C. Wright Mills. Oxford: Oxford University Press, 1946. P. 155. «Расколдование» описывает состояние мира — особенно западного мира у Вебера — после того, как рациональное объяснение и научное знание вытеснили религию с позиции господствующих способов понимания реальности.
- 34 Landy J., Saler M. Introduction: The Varieties of Modern Enchantment // The Re-Enchantment of the World. Stanford: Stanford University Press, 2021. P. 3.
- 35 Landy J., Saler M. Introduction: The Varieties of Modern Enchantment. P. 3.
- 36 Landy J., Saler M. Introduction: The Varieties of Modern Enchantment. P. 2–3 (курсив автора). См: Adorno T., Horkheimer M. Dialectic of Enlightenment / Trans. by Edmund Jephcott. Stanford: Stanford University Press, 2002 [1947/1987]; Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. М. Кузнецовой. СПб.: Медиум, 1997.
- 37 Landy J., Saler M. Introduction: The Varieties of Modern Enchantment. P. 3 (оригинальный курсив).

лер, именно третий подход дальше всего продвинулся в точности описания того, как мысль и практика разворачивались внутри модерности. Он работает как на эмпирическом уровне, поскольку религия после подъема секулярной рациональности вовсе не исчезла из мира, так и на теоретическом уровне, поскольку позволяет учитывать нюансы способов, которыми модернистские формы секулярной рациональности породили новые формы изумления, удивления и благоговения, не сводимые ни к традиционной религиозной очарованности, ни к пагубным замутнениям экономической и инструментальной рациональности. Таким образом, вопреки и бинарному, и диалектическому подходам к зачарованности, Лэнди и Салер предлагают признать «беспорядочную» модерность, пронизанную «противоречиями, оппозициями и антиномиями»³⁸. В своем расщеплении антиномическая очарованность допускает режимы очарования, которые избегают парализующих ограничений, выявленных бинарным и диалектическим подходами, — прежде всего через отношения, которые «добровольны, поскольку выбираются <...> автономными агентами, а не коварно навязываются властными структурами; *порядочны*, поскольку совместимы <...> с секулярной рациональностью; и *множественны*, поскольку являются заменой <...> полиморфного Бога»³⁹.

В терминах настоящей статьи антиномический подход к очарованности создает пространство для новых способов понимания отношения человечества к самому себе и к окружающему миру. Эти способы могут поддерживать воображаемые альтернативные будущие, за которые выступают Эшель и Берарди. Важно, однако, что эти очарованные образы будущего остаются амбивалентными в отношении того, окажутся ли они в конечном счете благотворными или разрушительными. Именно здесь вновь возникает берлантовский жестокий оптимизм, предостерегающий от слишком поспешной валоризации (повышения ценности) повторного очарования. Недостаточно просто сказать, что антиномический подход предлагает модель очарованности, очищенной от вводящих в заблуждение аспектов, которые диагностируются у бинарного и диалектического подходов к очарованности. Напротив, даже если ограничиться тремя признаками антиномической очарованности, которые Лэнди и Салер выделяют как позволяющие спасти предпочитаемое ими понимание очарованности от ошибок бинарного и диалектического подходов, мы можем увидеть, что очарованность, основанная одновременно на добровольных, порядочных и множественных отношениях, тем не менее может оказаться вредоносной. Например, индивид может добровольно посвятить себя какому-либо проекту, но это не исключает того, что он может не полностью осознавать потенциально негативные последствия своего выбора. Этот выбор может быть приемлемым (респектабельным), потому что он социально санкционирован и понятен сообществу, одобрения которого ищет индивид. Наконец, этот выбор может допускать множественность постольку, поскольку этот проект не является единственным источником очарованности, ценности или признания в его жизни. Точно так же выбор оставаться в неудачном браке зачастую удовлетворяет всем этим трем условиям. И все же такой сценарий мог бы подпадать под категорию жестокого оптимизма в той мере, в какой человек, сохраняющий приверженность этому браку, верит, что пребывание в нем в конечном счете при-

38 Landy J., Saler M. Introduction: The Varieties of Modern Enchantment. P. 7.

39 Landy J., Saler M. Introduction: The Varieties of Modern Enchantment. P. 7.

носит ему благо, тогда как на самом деле именно это ограничивает его процветание. Все это может быть правдой; и тем не менее очарованность, являющаяся и причиной, и следствием выбора продолжать этот проект, может привести человека в тупик жестокого оптимизма.

Рассказ Теда Чана «История твоей жизни»⁴⁰ служит примером такого очарованного тупика жестокого оптимизма, причем именно примером такого тупика, где будущее рассматривается как вместилище глубоко человеческой надежды на перемены, обсуждаемой Эшелем и Берарди⁴¹. «История твоей жизни» рассказывает о Луизе Бэнкс, лингвистке, которую американское правительство привлекает в качестве специалистки по переводу после того, как по всему миру появляются инопланетные коммуникационные устройства. Луиза является фокальным персонажем рассказа: она описывает события своего взаимодействия с инопланетянами, которых называет «гептаподами»⁴². В усилиях по установлению первого контакта к ней присоединяется доктор Гэри Доннелли, физик, также нанятый военными, чтобы узнать больше о том, что знают инопланетяне, и выяснить, каковы могут быть их намерения в отношении Земли и ее обитателей. Луиза ведет повествование во втором лице, обращаясь к поначалу неизвестной и отсутствующей слушательнице: своей еще не рожденной дочери.

Повествование развивается по двум параллельным сюжетным линиям, структурное значение которых становится ясным лишь в развязке рассказа. Первая линия выдержана в форме будущего времени и описывает события, которые произойдут с Луизой, ее дочерью и мужчиной, сперва обозначенным только как «твой отец»⁴³. Позднее читатель узнает, что им является (или будет являться) Гэри Доннелли. Вторая линия повествования ведется в прошедшем времени: Луиза пересказывает события, составляющие сюжет рассказа, а именно встречи с гептаподами и свои открытия, касающиеся природы их языка и психологии.

Колебание между этими повествовательными временами дестабилизирует читательское ощущение времени и места внутри в остальном довольно узкого хронотопа рассказа. Все действие, связанное с взаимодействием Луизы и Гэри с гептаподами и постепенным пониманием героями языка инопланетян, происходит в одной палатке. Там находится одно из «зеркал» гептаподов — система «двусторонней коммуникации» с инопланетными кораблями на орбите⁴⁴. Несмотря на многочисленные сложности этого рассказа, события, происходящие в повествовательном прошедшем времени, удивительно легко пересказать: Луиза и Гэри взаимодействуют с гептаподами; они изучают их язык; люди совершают «обмен дарами», передавая культурно значимые тексты и изображения; после восьмого обмена дарами гептаподы внезапно отключают зеркала и покидают орбиту. События, описанные во второй повествовательной линии, в будущем изъяснительном времени, становятся понятны в контексте

40 Chiang T. *Story of Your Life* // *Stories of Your Life and Others*. New York: Vintage, 2016 [2002]. P. 91–145.

41 На основе «Истории твоей жизни» был снят фильм «Прибытие» режиссера Дени Вильнёва (*Paramount Pictures*, 2016). Ниже будут отмечены некоторые существенные различия между рассказом Чана и его экранизацией у Вильнёва.

42 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 97.

43 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 91.

44 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 95.

более легко считываемой линии повествовательного прошедшего времени лишь постепенно. Здесь Луиза обращает свой рассказ о событиях своей еще не рожденной дочери — тому самому «ты» из названия «История твоей жизни», — чью жизнь, как она позже покажет, оборвет смерть в двадцать пять лет в результате падения во время скалолазания в национальном парке. Именно знание, которое Луиза приобретает в повествовании, ведущемся в прошедшем времени, делает возможным это повествование в будущем времени.

По мере того как в нарративе прошедшего времени разворачивается история Луизы, которая начинает понимать язык гептаподов, мы узнаем, что этот язык состоит из двух отчетливо различающихся и полностью разграниченных форм. Первая, которую Луиза начинает называть «Гептапод А»⁴⁵, — это их устный язык, своего рода «трещающий» звук, исходящий из «отверстия в верхней части [тела гептапода]»⁴⁶. «Гептапод Б» становится названием письменного языка гептаподов, чрезвычайно сложного по своей структуре⁴⁷. Поначалу Луиза считает, что Гептапод Б является логографическим письмом, в чем-то отдаленно напоминающим некоторые человеческие языки, поскольку целые предложения выстраиваются из единого визуального образа — «неразборчивого письменного завитка, отдаленно напоминающего курсив»⁴⁸. Однако впоследствии она обнаруживает, что Гептапод Б является «семасиографическим» письмом, поскольку его письменная форма «передает значение без отсылки к речи»⁴⁹. Иными словами, в отличие от человеческого «глоттографического» письма, письменные знаки Гептапода Б не «обозначают» фонетическую речь Гептапода А. Это принципиально важно для различия между повествовательной линией прошедшего времени и повествовательной линией будущего изъявительного времени. Гептапод А, устная форма языка гептаподов, диахроничен по своей структуре, как и человеческие устные языки. Его значение разворачивается во времени, поскольку предложения невозможно произнести все сразу, в одно мгновение. Семантика Гептапода А темпорально ограничена, потому что темпоральность является условием речи: чтобы звуки были различимы, они должны быть отделены друг от друга отношением «до» и «после».

С Гептаподом Б дело обстоит совершенно иначе, поскольку «семаграммы», из которых складывается полное предложение, визуальны даны сразу и целиком⁵⁰. Хотя семаграмма в Гептапode Б содержит все свое значение в одном сложном визуальном образе, читатель этого образа все же должен с чего-то начать в визуальном поле и «проследить» значение внутри изображения глазами⁵¹. Единственный способ понять значение всей семаграммы — прочесть ее целиком, во многом подобно предложениям в человеческих языках. Однако в случае Гептапода Б читатель может начать в любой точке семаграммы, при условии, что прочтает ее всю⁵². При более внимательном изучении написания семаграмм Гептапода Б Луиза и ее коллеги-лингвисты понимают, что каждая

45 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 110.

46 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 98.

47 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 110.

48 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 103.

49 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 108.

50 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 122.

51 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 122.

52 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 122.

семаграмма состоит из «единой извилистой линии». Это означает, что автор-гептапод «должен был знать, как будет расположено все предложение, еще до того, как мог написать первый штрих»⁵³. Это дает Луизе ключ к пониманию того, как мыслят гептаподы: сложная и непрерывная природа их письма означает, что они не изобретают свои предложения творчески, один изгиб или петлю за другим, в том же линейном, диахроническом порядке, в каком они говорят на Гептапode А. Напротив, они уже способны представить себе целостность чрезвычайно сложной мысли; ее запись является лишь внешним проявлением образа, который они уже удерживают в сознании. Это означает, что гептаподы не мыслят и не переживают опыт линейно, диахронически: они воспринимают время синхронически, все сразу. Любое вербальное высказывание на Гептапode А для них всегда уже будет произнесенным, а произнесение предложения — лишь осуществление того, что они переживают как всегда уже произошедшее. Для гептаподов не существует переживания прошлого, настоящего и будущего как отделимых и отдельных модальностей времени. Скорее, они являются частями одной и той же самотождественной единицы опыта — частями, в которые можно войти и которые можно «вспомнить» по желанию. Или, по крайней мере, именно так человеческий способ познания интерпретирует и моделирует способ познания гептаподов. Это важное различие, поскольку оно превращает идеологическую модель — представление о том, каким будущее состояние вещей будет или должно быть, — в метафизическую модель, которая представляет собой натурализованную истину вселенной, скрытую от людей ограничениями и несовершенствами их способа познания. Таким образом, Луиза и ее коллеги делают вывод, что благодаря своим ментальным и языковым структурам гептаподы имеют доступ к такому аспекту реальности, к которому люди доступа не имеют. При этом Луизе и окружающим ее, по-видимому, не приходит в голову, что глубокие структурные различия между человеческим и гептаподским сознанием могут заставлять людей видеть в будущем идеологически утешительные фантазии и паттерны — своего рода пролептическую парейдолию, — которые не соответствуют реальным будущим событиям. Они слишком поспешно решают, что поняли способ познания инопланетян без пробелов или искажений при переводе от сознания гептаподов к человеческому сознанию. К этой проблеме мы еще вернемся ниже.

Для Луизы и ее коллег-лингвистов открытие Гептапода Б и тот радикальный сдвиг перспективы, который оно сделало возможным, являются ключевыми для структуры двух повествовательных линий на формальном уровне рассказа. Чем дольше Луиза погружается в Гептапод Б, чем лучше она учится писать и мыслить на этом языке, тем больше она начинает переживать мир так, как его переживают гептаподы. Она перестает мыслить внутренним голосом; вместо этого она воображает, как «семаграфические узоры возникают полностью сформированными, выражая даже сложные идеи сразу и целиком»⁵⁴. Это производит странный эффект замедления ее мышления, поскольку преобразование ее мыслей из линейности внутреннего голоса в пространственную визуализацию гептаподских семаграмм не дает ее мышлению «устремляться вперед». Вместо этого оно приводит ее сознание в более «медитативное состояние», в котором ее мысли «уравновешены симметрией, лежащей в осно-

53 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 122–123.

54 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 127.

ве семаграмм»⁵⁵. Предпосылки и выводы перестают сохранять порядок приоритетности, при котором первые определяют вторые, а вторые строятся на основании первых. Вместо этого Луиза начинает обнаруживать, что «в способе соединения пропозиций нет присущего им направления; все компоненты акта рассуждения одинаково сильны, все обладают равным приоритетом»⁵⁶. Хотя она понимает, что ее сознание «было отлито в форме человеческих, последовательных языков и никакое погружение в инопланетный язык не может полностью его перестроить»⁵⁷, тем не менее у нее формируется «мировоззрение, представляющее собой сплав человеческого и мировоззрения гептаподов»⁵⁸. Она начинает понимать, каким образом одна общая реальность совместима с взаимоисключающими способами восприятия, познания и опыта.

Наиболее отчетливо это ощущается тогда, когда Луиза размышляет о природе свободы. Одна из дилемм модели мышления, воспринимающей время нелинейно, состоит в том, что такая модель, казалось бы, аннулирует свободу воли, поскольку будущее переживается как уже предопределенное и не допускающее волевого изменения. Однако такой способ рассуждения имеет смысл лишь в том случае, если предположить, что сознание гептаподов в скольконибудь значительной степени напоминает человеческое сознание, в том числе тем, как они понимают волю и действие. Луиза приходит к пониманию, что «режим осознанности гептаподов отличает не только то, что их действия совпадают с событиями истории; но и то, что их мотивы совпадают с целями истории»⁵⁹. Иначе говоря, у них нет представления о том, что значило бы желать чего-либо вопреки тому, что действительно происходит; поэтому в их переживании мира и самих себя нет конфликта или напряжения. Это заставляет Луизу задуматься о том, что знание будущего дало бы человеку способность принимать решения в настоящем относительно того, как действовать. С одной стороны, обладание знанием о будущем можно понимать как то, что подрывает свободу воли в настоящем. С другой стороны, это можно понять иначе — по-гептаподски: как развитие у агента «чувства настоятельности, чувства обязанности действовать именно так, как, по ее знанию, она и будет действовать»⁶⁰. Это проявляется в сравнительно простом эпизоде, когда Луиза и Гэри идут на свидание, а у Луизы возникает «воспоминание» о будущем событии: ее дочь стянет с кухонной стойки салатницу, та разобьется и поранит ей голову, оставив шрам. Во время свидания Луиза и Гэри заходят в магазин, и Луиза покупает ту самую салатницу, которая, как она «помнит», годы спустя приведет к этим последствиям, тем самым сознательно выбирая осуществить будущее событие, которое она воображает в настоящем. В финале рассказа она подытоживает свою приверженность будущему, которое воображает вместе с мужем и дочерью, — будущему, в котором она также потеряет их обоих: «С самого начала я знала свое место назначения и в соответствии с этим выбрала маршрут»⁶¹. Верит ли она на самом деле, что будущее заранее определено теми прое-

55 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 127.

56 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 127.

57 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 140.

58 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 140.

59 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 137.

60 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 132.

61 Chiang T. *Story of Your Life*. P. 145.

цируемыми «воспоминаниями», которыми она обладает, или нет, она тем не менее посвящает себя его осуществлению — так или иначе, принимая радость и боль, которые последуют из такой приверженности.

В конечном счете именно это вводит «Историю твоей жизни» в область тупика жестокого оптимизма и футурабельности как способности актуализировать латентные вероятности, заключенные в настоящем. В инверсии попытки Эшеля показать, каким образом эстетическая переоценка прошлого открывает потенциал будущего, спекулятивная динамика «Истории твоей жизни» полагает будущее одновременно как уже-прошедшее, но как такое уже-прошедшее, чья власть над настоящим остается неопределенной. А также уже-прошедшее неопределенно в том смысле, что никогда нельзя быть уверенным в его жесткой необходимости: всегда остается открытым вопрос о том, в какой мере сама вера человека в то, что некое событие должно непременно произойти, способствует тому, что оно действительно происходит. Иными словами, представление о том, что будущее заранее зафиксировано, содержит в себе измерение самосбывающегося пророчества. Жестокий оптимизм этого жеста состоит в вере, что определенная форма предопределенности стабилизирует человеческое ощущение мира и наполнит жизнь тем смыслом, который такая оптимистическая привязанность дает психике того, кто ее удерживает. Даже если идея роковой необходимости несет в себе утешение, она одновременно лишает Луизу способности сопротивляться тому, что может причинить вред ей самой и ее близким, поскольку она верит, что подчинена будущему, которое не вырубешь топором. Это означает, что ее попытки найти утешение в судьбе также сделают эту судьбу болезненной для нее.

Отношение к будущему, которое Луиза формирует благодаря изучению семаграмм гептаподов, казалось бы, также подрывает ту форму футурабельности, которую Берарди считает необходимой для предотвращения катастроф, закладываемых людьми в настоящем. С точки зрения гептаподов, нет различия между потенциалами, которые приостанавливают и поддерживают множественные вероятности, имманентные настоящему, и властью, которая формирует и определяет, какие вероятности будут актуализированы; существует лишь одна такая власть, а значит, один потенциал и одна вероятность: то, что действительно происходит. Но именно здесь сама форма рассказа и последствия человеческого отношения к его событиям предлагают выход из пасти судьбы, которая, казалось бы, смыкается над сознанием Луизы в финале. Повествование Луизы, разворачивающееся между двумя линиями — повествовательным прошедшим временем и будущим изъяснительным временем, — подвешено в своего рода неопределенном настоящем. Важно, что обращение во втором лице к еще не рожденной дочери адресовано дочери как будущей вероятности, а не дочери как уже актуализированному человеческому существу. Поэтому для Луизы то, что она воображает как будущие события своей жизни, жизни мужа и жизни дочери, в момент, когда она о них говорит, все еще остается неосуществленным. Это значит, что — как бы она сама их ни мыслила — они являются лишь вероятностями, которым необходимо воздействие бесчисленных потенциалов, чтобы стать действительностью.

Именно это делает одно из самых интригующих умолчаний рассказа особенно значимым: гептаподы никогда не объясняют, почему они прибыли на Землю. Они просто появляются, обучают людей своему языку и затем без лишних объяснений улетают. Складывается впечатление, будто преобразование че-

ловеческого взгляда на время и существование и было изначальной целью их появления: они являются, словно боги, из другого мира, чтобы поделиться своим восприятием в надежде, что восприятие человечества изменится, но при этом не определяют, как именно и для каких целей люди будут использовать это измененное восприятие. Любопытно, однако, что преобразованное воображение временного опыта у Луизы касается только ее личной жизни: она помнит брак, в котором еще не состоит, и дочь, которой еще нет. Она не помнит, скажем, геополитическую динамику этого будущего периода; не помнит, каким образом открытие разумной инопланетной жизни во вселенной необратимо изменит поведение людей друг к другу на личном и политическом уровнях.

Экранизация рассказа, фильм «Прибытие» (Д. Вильнёв, 2016), отклоняется от локального и личного фокуса «Истории твоей жизни» настолько, что эти отклонения заслуживают осмысления с точки зрения их последствий для футурности. Сразу же заметно, что фильм вводит второстепенную сюжетную линию, связанную с враждебностью, рожденной страхом, который люди вполне предсказуемо могут испытывать перед инопланетными формами жизни. Группа американских солдат, погруженных в параноидальные конспирологические спекуляции из интернета, взрывает бомбу у места расположения «зеркала», где Луиза и Гэри общаются со своими собеседниками-гептаподами. Это изменение в рассказе можно прочесть по-разному. С одной стороны, его можно воспринять просто как циничный ход студии, стремящейся добавить хотя бы один взрыв в историю о том, как люди и инопланетяне учатся общаться друг с другом. С другой стороны, его можно прочесть как слишком предсказуемый пример непонимания и предрассудка: люди сами становятся препятствием на своем пути — во вред себе и всем остальным. Это подводит к другому существенному изменению, которое фильм вносит в исходный сюжет: в фильме гептаподы гораздо более откровенны относительно причин своего прибытия на Землю. Они сообщают Луизе, что через 3000 лет им понадобится помощь человечества и что они обучали людей гептаподскому языку, чтобы за прошедшие тысячелетия люди смогли подготовиться и вооружиться всем необходимым для оказания этой помощи, когда придет время. В финале фильма подразумевается, что теперь у всего человечества есть причина отложить в сторону свои разногласия и мелкие конфликты, объединившись ради более высокой цели. Как мы уже видели, в рассказе Чана такого утешения нет.

В отличие от «Прибытия», «История твоей жизни» вписывается в тупик жестокого оптимизма Берланта и футурабельности Берарди, потому что воображает будущее, утопия которого представляется достижимой, но остается упорно нераспознанной. Предположительно, люди, способные понимать Гептапод Б, могут «знать», к лучшему или к худшему движется будущее человечества, так что определенная форма утопии существует благодаря знанию того, что произойдет, — становится доступной людям благодаря технологии познания гептаподов. Однако сам рассказ удерживает от нас всякое описание того, каким могло бы быть это видение. Вместо этого он дает лишь проблески возможного будущего жизни одной женщины как серии попыток построить счастливую семью, которая, как она предвидит, закончится только трагедией, но к которой она все равно будет стремиться, веря, что сам факт ее существования окажется достаточным утешением и оправданием. В конечном счете приверженность Луизы ее будущему — что бы ни случилось — указывает на тот разрыв внутри настоящего, который делает возможным футурность как

эстетический и политический проект и футурабельность как метафизическую и эпистемологическую позицию. Непредвиденное и непредсказуемое всегда может «упасть на землю» и радикально перестроить наше представление о возможном, подобно тому, как гептаподы вмешиваются в человеческие дела из ниоткуда. Опасность состоит в том, что мы можем принять желаемое за то, что действительно будет нам полезно, улучшит наше положение или расширит наше понимание за пределы его нынешних ограничений. «История твоей жизни» оставляет Луизу подвешенной в неопределенности: окажется ли будущее таким, каким она его вообразила, и если окажется, будет ли оно благотворным для тех, чьим будущим оно станет. Однако в ее решении недвусмысленно одно: она полностью привержена будущему именно как будущему — пространству потенциала и боли, что бы ни случилось.

Таким образом, «История твоей жизни» существует в точке пересечения подходов к футурности, футурабельности, жестокому оптимизму и очарованности, которым посвящена эта статья. Непосредственно само существование гептаподов радикально преобразует понимание человечества о самом себе и направление его будущего. Вся человеческая природа — даже природа всей жизни на Земле — срывается с якоря и оказывается брошенной в новое состояние лихорадочной неопределенности. В этом отношении прибытие из-за горизонта воображаемых человечеством вероятностей нового знания и новых потенциальностей чудесным образом преобразует реальные возможности, латентно заключенные в человеческой жизни. Оно обрушивается на мир как событие (*event*) в том смысле, в каком его теоретизирует Франсуа Раффул: как «непредсказуемое и неисчислимое <...>, [как] разрывное <...> происшествие, [которое] превосходит и представление, и предвосхищение субъекта»⁶². Это событие заново зачаровывает мир, становясь источником нового прозрения через знание языка гептаподов и нарушая способность власти формировать настоящие вероятности, заслонять или подавлять те вероятности и потенциалы, которые не служат предпочитаемым властью целям. Это соответствует задачам Эшеля в отношении футурности как литературного и концептуального проекта: обнаружить выход из кафкианской бинарности смертельных ударов — мышеловки и пасти кота. Тем не менее новое отношение к будущему, представленное в «Истории твоей жизни», очень легко может попасть в тупик жестокого оптимизма. В этом случае опора на предполагаемую предсказуемость и доступность будущего как определенного и понятного пространства подавляет импульс к созданию или изменению будущего. В результате будущее становится таким, каким мы его вообразили, но лишь потому, что мы не предприняли никаких усилий, чтобы сформировать его иначе. Желание «увидеть будущее», сделать его упорядоченным и предсказуемым, очаровывает, но оно также является жестоко оптимистическим, поскольку лишает будущее той существенной неопределенности, которая всегда сохраняет его открытым для латентных вероятностей, на которые могут воздействовать потенциалы, чтобы мир не оказался навечно задушен собственным прошлым.

Перевод с английского Ксении Бутузовой

62 Raffoul F. Thinking the Event. Bloomington: Indiana University Press, 2020. P. 3 (курсив оригинала).

Библиография / References

- Adorno T., Horkheimer M.* Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments / Ed. by Gunzelin Schmid Noerr; trans. by Edmund Jephcott. Stanford: Stanford University Press, 2002 [1987].
- Badiou A.* What is Love? // Conditions / Trans. by Steven Corcoran. New York: Continuum, 2008. P. 179–198.
- Franco «Bifo» Berardi.* Futurability: The Age of Impotence and the Horizon of Possibility. New York: Verso, 2017.
- Berlant L.* Cruel Optimism. Durham: Duke University Press, 2011.
- Eshel A.* Futurity: Contemporary Literature and the Quest for the Past. Chicago: The University of Chicago Press, 2013.
- Foucault M.* Discipline and Punish: The Birth of the Prison / Trans. by Alan Sheridan. New York: Vintage, 1977.
- Freud S.* The Interpretation of Dreams: The Complete and Definitive Text / Trans. and ed. by James Strachey. Philadelphia: Basic Books, 2010 [1955].
- Hegel G.W.F.* Elements of the Philosophy of Right / Trans. by H.B. Nisbet. New York: Cambridge University Press, 2003.
- Lacan J.* The Seminar of Jacques Lacan, Book IV: The Object Relation / Ed. by Jacques-Alain Miller; trans. by A.R. Price. Medford: Polity, 2022.
- Landy J., Saler M.* Introduction: The Varieties of Modern Enchantment // The Re-Enchantment of the World. Stanford: Stanford University Press, 2021. P. 1–14.
- Raffoul F.* Thinking the Event. Bloomington: Indiana University Press, 2020.
- Weber M.* Science as a Vocation // Weber M. Essays in Sociology / Ed. and trans. by H.H. Gerth and C. Wright Mills. Oxford: Oxford University Press, 1946. P. 129–156.